

В присутствии любви, в отсутствии смерти

Сохраните выставку Андрея Миронова

Леонид Велехов

17 декабря исполняется два года выставке, посвященной Андрею Миронову. Она занимает несколько комнат третьего этажа мемориального дома Марии Николаевны Ермоловой на Тверском бульваре. Два года я все собирался сюда, два года все ездил мимо рекламного щита на Тверском бульваре в троллейбусах 15-го и 31-го маршрутов, пока наконец не проделал этот путь с одной семилетней особой, проникнувшейся восторгом перед мироновским гением после многократных просмотров по телевидению «Бриллиантовой руки». И вот утром прошлой субботы эта юная мадемуазель, моя дочь, решительно нацепила на голову свою бархатную шляпку и не терпящим возражений тоном сказала: «Пойдем в музей Андрея Миронова!»

По деревянной лестнице старинного ермоловского особняка мы поднялись к нему — туда, где он никогда не жил, и предположить бы при всем своем остроумии вряд ли мог, что как-либо когда-либо окажется связан с этим домом. Неожиданное, конечно, соседство. Величественная Ермолова, которую портретист Серов и при жизни изобразил как памятник. И Андрей Миронов, воплощение жизненной энергии и динамики, сплошной нерв и одновременно мягкость и лиризм, человек, которого и сегодня, восемь лет спустя после смерти, невозможно представить ни монументальным, ни неподвижным.

Но вместе с тем что-то в этом странном мемориальном соседстве есть — что-то, согревающее дыханием живой жизни и приближающее к нам вечно величественную и далекую Ермолову и окутывающее ореолом величия до сих пор живого Андрея Миронова.

Экспозиция скромна. Всего-то в ней: несколько мироновских сценических костюмов — Фигаро, Всеволод из «У времени в плену», Чацкий, Хлестаков; его гримированный столик, еще несколько личных вещей, фотографии на стендах, и все. Все это разместилось на нескольких квадратных метрах. Но скромность при ближайшем рассмотрении оборачивается отбором. А из тесноты родится замечательная мизансцена, связавшая жизнь со смертью и единой формулой выразившая кратковременность земного присутствия артиста и вечность его творческого полета. Вот он — восьмилетний Андрюша со стрижкой полубокс на групповом школьном снимке 2 класса за 1949/1950 уч. год. Но обернитесь: и вы окажетесь перед распростертым на ступеньках театральной лестницы и одновременно парящим в воздухе его последним — и сценическим и жизненным — нарядом, черным с блестками камзолом Фигаро, в котором он упал на гастрольной рижской сцене 16 августа 1987 года в лучшем своем спектакле и умер на полуслове реплики своего знаменитого героя, ставшей и его последним словом. С прямо-таки шагаловской фантазией кто-то придумал так расположить этот камзол, подвесив на невидимых нитях в нескольких сантиметрах от ступеней, словно он, этот бестелесный Фигаро, падает на них. Падает, добавлю, но никак не упадет. Падение, переходящее в полет, — именно так, не наоборот. За одну эту мизансцену, будь моя воля, я бы сохранил выставку навсегда.

Но кто же решил, что у этой выставки должен быть рубеж, что после 17 декабря она должна закрыться, смениться какой-то другой экспозицией? Я не знаю, может быть, и ко взаимному согласию так решили, и вовсе чиновники из министерства культуры или СТД не принуждали к тому нескольких влюбленных в творчество Андрея Миронова женщин, устроивших эту выставку и ее берегущих. Может быть, все

ВЕРА ПЕТУХОВА

дружно пришли к выводу, что она себя исчерпала, все, кто хотел, на ней побывали, и ее можно закрывать? Этого я не знаю, так как пишу заметку не с чьей-либо подачи, не в чью-либо защиту и поддержку, а просто — забредя на выставку с улицы и на улицу же с нее уйдя, лишь движимый собственным от нее впечатлением. Как бы то ни было, решение закрыть мироновскую экспозицию — ошибка и заблуждение. Почему у нее должно быть окончание, если у его, Андрея Миронова, славы и обаяния окончания нет?

Меня привела, повторю, на выставку моя дочь, родившаяся год спустя после его смерти. Я никак и никогда не навязывал ей интерес к этой фигуре. Наоборот, сперва возник, после увиденного ею бессмертного блистательного Кеши, этот интерес, и пошли ее расспросы, и я стал рассказывать ей о нем, о других его ролях, о наших с ним нескольких встречах.

...Под стеклом на выставочном стенде лежали листки с записанным мироновской рукой текстом вступительного монолога его Всеволода из «У времени в плену». Много раз я видел этот спектакль, и потому, прочитав первые строчки: «Отложите свои вечерние дела...» — без труда вспомнил и продолжил на память, для дочки Маргаритки: «Матросский полк, прошедший свой путь до конца...» И вдруг сзади кто-то подхватил: «обращается к вам, потомки». Оборачиваюсь: девушка лет семнадцати. Оказывается, читает, смотрит, собирает все, что связано с памятью Андрея Миронова, сюда приходит каждую субботу. Никогда не видела его на сцене — не застала, — оказалась им зачарована, увидев в детстве «Достояние республики», и с тех пор, похоже, посвятила ему жизнь.

Этот кумир живет в человеческих сердцах. Оставьте и материальную память о нем в виде этой выставки. Артист, который через восемь лет после смерти не только сохраняет при себе прежних поклонниц, но и привлекает новых, заслужил вечного мемориала.

сегодня - 1995 - 6 дек - с. 40